Текст · 25 декабря 2024, 11:49
Дмитрий Швец, Софья Крылова,

Россия удерживает как минимум сотни украинцев, заподозренных в «противодействии СВО». Их родственники попытались обжаловать эту практику в московском суде

Тверской районный суд Москвы отказал в коллективном иске гражданам Украины, чьих родственников похитили российские военные во время оккупации. Проблема касается как минимум сотен украинцев — некоторых из них, вероятно, пытают. Хотя практика похищений не могла бы сложиться без негласного одобрения военного и политического руководства страны, в России нашлись юристы, которые решили бороться с ней в суде. «Медиазона» рассказывает, на что они надеялись и как прошло рассмотрение иска.

Заложники

Минимум 1 300. Сколько гражданских лиц захватили российские военные в Украине

Отец Юлии Хрипун, 49-летний Сергей пропал 24 марта 2022 года в селе Новое Запорожской области. Он работал охранником на ферме, где обосновались российские тыловики: механики, медики, повара.

В тот день Сергей позвонил дочери рассказать, что российские военные уходят с территории предприятия. Как выяснилось благодаря записям

с видеокамер, после этого на ферму ненадолго вернулись два КамАЗа — Хрипуна с двумя его коллегами забрали и увезли.

«Руки за спину, мешок на голову и посадили в эти машины. Причина непонятна», — говорит Юлия.

Одного из коллег ее отца затем отпустили в оккупированном Мелитополе; почему освободили именно его — никто не понимает. Позже от другого освободившегося украинца девушка узнала, что ее отец был в ростовской ИК-12, при этом ФСИН отвечала, что вопрос о местонахождении Хрипуна не относится к компетенции ведомства.

В октябре Юлия обнаружила видео с отцом в телеграм-канале о поиске украинских военнопленных *Povernisdomoy.2022*. Кто его ведет — неизвестно. На записи Сергей в черной робе заключенного передает привет родственникам и говорит, что «попал в плен», не имеет претензий к «условиям содержания», а медпомощь ему «оказывают своевременно» — при этом мужчина странно поднимает взгляд, как будто читает текст со слишком высоко установленного телесуфлера. Где он находится, Сергей не уточнял.

В Украине Хрипуна считают гражданским заложником. Сколько их всего, сказать трудно. Выступая в ПАСЕ в начале октября, представитель украинского Координационного штаба по вопросам обращения с военнопленными Олег Слободяник говорил, что подтвержденное число — 1 300 человек, но, по подсчетам Киева, оно может достигать и 14 тысяч.

«Точные цифры не называют, потому что по гражданским очень много погибших. Все города, которые в оккупации, по ним очень много заявлений о без вести пропавших, но эти люди могут быть в плену — поэтому точную цифру никто вывести не может», — объясняет глава общественной организации *«Цивільні в полоні»*[1] Карина Малахова-Дячук. По ее подсчетам, по обмену в Украину вернулись 168 мирных жителей.

«За противодействие СВО». С такой формулировкой российские военные задерживают гражданских лиц в Украине

Мужа Светланы Щербань Геннадия, военного пенсионера и гражданина Беларуси, вторжение застало в Гостомеле: родственники уехали, а он остался помогать раненой пожилой соседке. Геннадия забрали, когда он колол дрова во дворе. Позже украинцы, освободившиеся из российского плена, рассказывали Светлане, что встречали его в брянском СИЗО-2 и мордовской ИК-10.

Наконец, после двух с половиной лет разлуки, в октябре Щербань получила от мужа два письма.

По словам правозащитника, эксперта украинского Центра гражданских свобод Михаила Саввы, таких гражданских заложников «держат за решеткой на основании распоряжений простых региональных руководителей ФСБ».

«То есть вот эти полковники или генералы без прокуроров, без суда просто подписывают распоряжения о содержании под стражей и каждые три месяца это продлевают», — утверждает Савва, добавляя, что не может назвать имена россиян, благодаря которым узнал об этой практике.

Брат Андрея Дорохова Сергей жил в Ирпене. По словам Андрея, выехать брат не мог: в эвакуационные автобусы брали только женщин и детей. Дом Сергея стоял на углу улиц и поэтому был удобен для наблюдения. Его заняли российские военные — об этом Сергей успел рассказать родным до того, как связь пропала, и на это же указывало состояние дома после освобождения. Сергей пропал. Освободившийся из плена боец ВСУ говорил, что видел его в том же брянском СИЗО №2.

Наталья Кулаковская, чей муж Евгений Гурьянов и зять Сергей Любич были похищены в Буче, получила от российского министерства обороны официальный ответ, что мужчин задержали «за противодействие СВО[2]», а состояние их здоровья — «удовлетворительное».

«Сведения о местах содержания лиц, задержанных за противодействие специальной военной операции, являются информацией ограниченного

распространения и передаче третьим лицам не подлежат», — говорилось в документе.

Ведомство ссылалось на Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными и утверждало, что всем задержанным разрешают писать письма родным через Международный Комитет Красного Креста — при этом родные многих захваченных украинцев за два года не получили от них ни одного письма.

Такой же ответ из Минобороны пришел Ольге Щербе — ее муж Богдан, брат Рамиз и друг были похищены 26 февраля 2022 года в Гостомеле, когда шли в соседнее село, чтобы забрать в более безопасное место одинокую родственницу. Российские военные остановили их и отвели на допрос в аэропорт.

Ольга ничего не знала о своих близких до 13 марта, когда увидела их в репортаже российского Первого канала; их представили как пленных украинских военных.

После первого обмена пленными вернувшиеся в Украину бойцы ВСУ рассказали Ольге, что все трое мужчин находятся в России. Позже это подтвердил и международный Красный Крест.

В сентябре 2022 года Щерба все-таки получила по одному письму от мужа и брата, два года спустя от Богдана пришло еще одно. В первом письме он кратко писал, что жив-здоров, а обращение — «нормальное». Во втором уточнял, что «держится, что обеспечен всем, что очень любит и скучает».

«Много вопросов, расспрашивает, потому что мои письма к нему не доходят, я очень много ему написала, а он ничего не знает, как мы живем, все ли у нас есть, как дети», — добавляет Ольга.

От людей, вернувшихся из российского плена, известно, что гражданские заложники часто подвергаются пыткам. При этом пока невозможно вычленить и описать типичный «общий случай» освобождения украинца, задержанного за «противодействие СВО», говорит «Медиазоне» Карина Малахова-Дячук.

Ее отец, Вячеслав Завальный, был задержан на выезде из Мариуполя и почти год провел в колонии в Курской области, а потом попал в обмен пленными. Занимаясь его поисками, Карина начала помогать родным других похищенных, стала волонтеркой, а затем и руководительницей НКО.

По ее данным, на оккупированных территориях в Донецкой и Луганской областях захваченных украинцев иногда отпускали «просто так». Михаил Савва говорит, что с лета 2024 года такие случаи перестали фиксировать.

Он добавляет, что украинским правозащитникам известны 182 места содержания гражданских заложников.

Иск

Прокуратура имеет полномочия освобождать незаконно задержанных людей. Но не делает этого

Со временем близкие гражданских заложников из Украины стали налаживать контакты с правозащитниками и юристами из России — те помогали писать обращения в российские органы власти. Типичный ответ, который спустя время приходит родственникам пропавшего украинца из российского Минобороны, гласит, что тот задержан «за противодействие СВО».

Этой формулировки, однако, нет ни в УПК[3], ни в других нормативных актах — де-юре «противодействие СВО» не может быть основанием для задержания. Поэтому российские юристы, помогавшие украинцам в поисках гражданских заложников, писали жалобы в Генпрокуратуру.

«У прокуроров есть прямо предусмотренное законом[4] полномочие освобождать своим постановлением незаконно задержанных лиц, чего они не сделали, — рассказывает адвокат Ольга Подоплелова, которая теперь представляет родственников похищенных в суде. — Поэтому, не имея других эффективных средств правовой защиты, в данном судебном процессе мы просим суд признать бездействие прокуратуры незаконным и уже своим решением освободить задержанных».

Истцами выступили 14 родственников 16-ти захваченных украинцев. Ни один из истцов не живет в России и в Москву не приехал. Журналистов в суде тоже не было: один из юристов, представлявших

истцов, рассказал «Медиазоне», что писал в редакцию «Коммерсанта», но газету его приглашение «не заинтересовало».

Подоплелова говорит, что прокуратура с самого начала попыталась уйти от содержания иска и «перевести все в плоскость обсуждения их ведомственных инструкций по рассмотрению обращений граждан». В возражениях ведомства по иску действительно повторяется, что права истцов не были нарушены, а «несогласие с порядком рассмотрения обращений и содержанием ответов не свидетельствует о бездействии должностных лиц прокуратуры».

«Медиазона» спросила юристов, готовивших иск, стоило ли тратить на это время и силы, если решение суда предсказуемо. Один из них в ответ сказал, что Россия остается «страной *Rule by Law*[5], то есть

на все есть какой-то закон, какая-то бумажечка», а неопределенный и исключительный правовой статус «задержанного за противодействие СВО» не вписывается в такую систему. При этом помогать похищенным украинцам правовыми методами хоть редко, но получается.

«Нам крайне важным кажется сдвигать эту историю с мертвой точки в правовом ключе, вынуждать их говорить по поводу этой проблемы. Сейчас ее не существует в публичном и правовом дискурсе. Они есть только в нашей работе, и больше про них никто не говорит: ни Совет по правам человека, ни суды, ни первое лицо. Судебный процесс — это возможность ввести тему в мейнстрим, говорить про то, что есть такой сложный феномен, он идет в противоречие

с Конституцией, и пусть они объясняют, как это работает», — рассуждает юрист.

Он ожидает, что если представители прокуратуры и смогут сформулировать какое-то обоснование сложившейся практики бессрочного удержания гражданских лиц, то это будет «полная чушь и ахинея, которая только подчеркнет ответственность Российской Федерации за организацию этой системы».

«Иначе можно говорить, что все это как бы случайно. Но если мы будем подниматься достаточно высоко, то мы будем заставлять очень статусных лиц брать на себя ответственность за то, что такая система существует — мы надеемся, что такая форма давления может повлиять. Либо в процессе рассмотрения примут правовой акт, который худо-бедно нормализует положение этих людей: может быть, начнет чуть меняться правоприменительная практика, например — доступ адвокатов, это будет большая победа. Может быть, этих людей отпустят, чтобы убить наше дело. Это не поможет системе, но поможет конкретным 14 лицам, которые упоминаются в нашем иске. Может быть, они ничего не сделают, но тогда им придется поставить свои подписи под очевидно беззаконной историей, и эти подписи никуда не денутся», — резюмирует юрист.

Суд

Может ли суд своим решением освободить незаконно задержанного человека и

попадают ли гражданские заложники из Украины под действие Конвенции против насильственных исчезновений

Тверской суд начал рассматривать иск 11 ноября. Представители Международного Комитета Красного Креста, указанного заинтересованным лицом, не пришли; МККК попросил провести процесс без его участия.

На первом заседании адвокат Подоплелова уточнила исковые требования. Если раньше истцы просили суд признать бездействие Генпрокуратуры незаконным и обязать надзорное ведомство освободить заложников, то теперь речь зашла уже о том, чтобы сам суд проверил законность задержания 14-ти украинцев и принял решение об их освобождении.

«Мы не требуем в данной ситуации ничего революционного», — сказала адвокат Подоплелова. Генпрокуратура в отзыве на иск писала, что только она может определять меру реагирования по результатам проверки. Но адвокат сослалась на постановление Конституционного суда №14-П от 2017 года, согласно которому «законодательный пробел», который не позволяет суду своим решением прекратить произвольное задержание, противоречит Конституции.

Когда Подоплелова, сославшись на соответствующую международную конвенцию, сказала, что произошедшее с родственниками истцов — это *насильственное исчезновение*[6], судья Анна Малахова прервала ее и попросила перейти к следующему ходатайству.

Тогда Подоплелова попросила затребовать в Минобороны документы, которые служили непосдердственным процессуальным основанием для задержания украинцев «за противодействие СВО». Тут представитель ответчика возмутился, что «истцы подменяют понятия», и судья Малахова отклонила ходатайство, сказав, что «предметом рассмотрения являются действия Генпрокуратуры».

Следом Подоплелова заявила ходатайство об участии в процессе самих похищенных украинцев — по видеоконференцсвязи. Генпрокуратура снова выступила против, и суд снова принял ее сторону, сославшись на то, что иск подавали родственники похищенных, а не они сами.

Тем не менее, прокуратура попросила закрыть процесс от слушателей, потому что в отношении 14-ти украинцев «проводились и проводятся оперативные мероприятия на причастность к преступлениям против военнослужащих и иных лиц, в том числе, террористического характера».

Хоть ведомство и ссылалось на гостайну, суд в итоге не стал закрывать процесс.

На заседании 24 декабря выяснилось, что в материалах дела есть опрос одного из гражданских

заложников Александра Красникова. В нем сказано дословно следующее: «Прошу вас уголовное дело по факту моего безвестного исчезновения прекратить. Я нахожусь в одной из колоний Российской Федерации, моему здоровью ничего не угрожает. Жалоб и заявлений я не имею».

Адвокат Подоплелова объяснила, что этот документ появился после того, как родственники Красикова подали заявление о похищении человека, и его отправили на рассмотрение по месту содержания заложника.

«Мы знали про Красникова, что он на каком-то этапе был в ИК-1 Мордовии. Потом их куда-то перевели, неизвестно куда, это все уже неофициальная информация, — сказала адвокат. — Вы же понимаете, что человек находится под полным контролем властей, и может подписать что угодно, если ему прикажут это сделать».

«Это дело сейчас является в какой-то мере даже историческим, потому что я представляю здесь 14 истцов, но таких людей, безусловно, гораздо больше. Скорее всего, больше тысячи человек. Мы точное число даже не можем сказать, потому что, естественно, в условиях военных действий мы часто не можем определить, человек погиб или задержан "за противодействие СВО"», — добавила она.

Выступая во вторник прениях, Подоплелова назвала сложившуюся практику «скользкой дорожкой» и предупредила: «Сегодня задерживают "за противодействие СВО", а завтра любого человека можно будет так задержать в порядке превентивного

ареста — просто потому, что он по каким-то причинам не понравился властям».

После этого суд отказал в удовлетворении иска.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. «Гражданские в плену».
2. Так российские власти официально называют войну в Украине.
3. Основания для задержания подозреваемого перечислены в статье 91 УПК.
4. Статья 22 закона «О прокуратуре Российской Федерации».
5. Rule of Law — верховенство права. Rule by Law — дословно «правление посредством закона», то есть такое устройство государства, когда власть инструментально использует закон в своих интересах.
6. Forced disappearance. В отличие от задержания этим термином гуманитарного права называется такое похищение или лишение свободы, ответственность за которое государство отказывается признавать.